

РЕЛИГИОЗНО-МАГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В КОНТЕКСТЕ СТИЛЯ МЫШЛЕНИЯ СОЦИУМА

Круподеря Елена Анатольевна

Институт философии НАН Беларуси (г. Минск, Беларусь)

Рассматриваются синкретические аспекты религиозно-магической традиции в контексте стиля мышления ренессансного и раннемодерного социума.

Работа выполнена в рамках проекта БРФФИ №Г24-041 «Эпистемологические доминанты в контексте стиля мышления социума».

Религиозное мышление конструирует картину мира на базисе убежденности в существовании трансцендентной (высшей, внемировой), сверхъестественной реальности и взаимодействии с ней. Магия с античности рассматривается мыслителями и практиками как тайное сакральное знание, предполагающее понимание сущности миропорядка; в эпоху Ренессанса происходит реактуализация этой трактовки и новая интерпретирование: «естественная магия» как обращение к естественным свойствам вещей, знание всех природных процессов, которые в мировоззренческой парадигме Возрождения становятся эпистемологической и инструментальной ценностью [1, с.59–60]. Философская традиция также зарождается в античности при попытках перенести сакральные смыслы из религиозной семантики – эзотерических практик оперирования священными символами – в сферу повседневного дискурса, вербального сообщения о сущем; философское мышление – аналитическое, истолковывающее – формирует культуру познания, нацеленную фиксировать подлинное значение в речевом образе, доступном для понимания, но для обоснования и легитимации этой процедуры сохраняет апелляцию к магической силе слова.

Конвергенция магического, религиозного и философского мышления способна проявляться на уровне не только взаимопроникновения элементов, но и их переплетения до степени формирования синкретической традиции. Таковой,

например, стал герметизм, который в силу его аморфности, нецентрированности, отсутствия единых стержневых догм можно рассматривать не только как оккультно-философское учение, но и как одну из эпистемологических доминант в стиле мышления ренессансного социума – парадигму исследования и преобразования реальности, которая стала для человека эпохи Возрождения не только метафизической системой, но и праксисом. Поскольку герметизм утверждал образ мысли и жизни, требующий «от своих последователей активной практической деятельности по освоению мира, достижения власти над собой и над миром как результата “великого делания”» [2, с. 121]. Пройдя через эпохи эллинизма и Средневековья, в эпоху Возрождения герметическая традиция раскрывается как квинтэссенция мировоззренческого синкретизма с антропоцентричным фокусом, поскольку она включает в себя мистические идеи и магические практики из различных верований и эзотерических культов, мировоззренческие установки неоплатонизма и христианства, обосновывающие идею творчества как силы и атрибута не только Бога-Творца, но и венца его Творения – человека.

Образ мысли гуманистов, мыслителей и деятелей Ренессанса, воплощаемый в теории и практике, отражает стиль мышления их культуры и социума – парадигму творчества и синтеза религии, магии и натурфилософии: «Магия Парацельса – это оригинальный синтез медицины, алхимии, химии, религии и космологии. Магия Агриппы Неттесгеймского – профессора, врача, инженера, адвоката, военного, историографа – редкостный сплав неоплатонизма, каббалы, алхимии, астрологии и точных наук» [2, с. 122].

Еще одним примером синтеза натуралистического, философского и символического, религиозно-магического мышления в теории и практике является западноевропейская алхимия, в которой натурфилософские изыскания и химические опыты коррелируют с астрологической и магико-герметической традициями и христианской семиотикой. Алхимическая традиция в полной мере выражает синкретический стиль мышления и праксиса: ее семантика полифункциональна (и знак, и аллегория, и метафора, и эвристическое средство), ее эпистемический базис полирелигиозен (заимствования из различных религиозно-философских и мистико-эзотерических традиций), когеренция символических структур в ней многомерна: химические элементы и фазы трансмутации вещества соотносятся с небесными телами и их астрологическими значениями, олицетворяют философские идеи, аллегорически воплощают библейские истины и смыслы (см.: [2]).

Включение различных аспектов магической традиции (одни из которых считались необоснованными и отрицались, другие, наоборот, признавались обоснованными и истинными) в спекулятивную натурфилософию стало основанием для генезиса раннемодерной науки: «Как экспериментальный метод, так и убежденность в том, что знание природного мира должно использоваться на благо человечества, могут рассматриваться как давно существовавшие черты магической традиции, которые все более активно перенимались исследователями природы, превращавшими таким образом натурфилософию в одну из так называемых «новых философий» эпохи раннего Нового времени» [1, с. 57].

Более того, в период Ренессанса магия стала восприниматься как имеющая дело именно с естественными, природными свойствами вещей, а все сверхъестественное относилось к сфере сакрального и Божественного вмешательства.

Натурфилософы эпохи Возрождения исповедуют идеи о том, что высшая магия «есть не что иное, как знание всех природных процессов» (Джамбатиста делла Порта), «маги суть скрупулезные исследователи природы, лишь управляющие тем, что она сама ранее создала, при помощи соединения активного и пассивного» (Корнелий Агриппа) [1, с. 60]. Иные же аспекты магической традиции – колдовство, включая некромантию, демонологию и другие искусства вызова духовных существ, и символическая магия, использующая силу знаков, слов и иных символов – считались дисциплинами, подчиненными естественной магии. И даже демонические существа, по представлениям ренессансного социума, оперировали естественными силами природы, владея большими знаниями о них, чем люди, а единственным актором сверхъестественного был Бог.

Контекст стиля мышления раннемодерного социума в результате стал определяться, во-первых, натурфилософским мейнстримом, в который инкорпорировались все полезные аспекты магической традиции, во-вторых, попытками установить баланс с личной или коллективной верой, заключить компромисс с господствующей церковной традицией. В свете этих попыток элементы магической традиции либо легитимизировались в их трактовке как существенного компонента натурфилософии, либо отвергались как более опасные с точки зрения религии аспекты, увязываясь с демологией в интерпретации демонопочвенничества; именно последние в дальнейшем стали отождествляться со всей магией как таковой, а такое представление – зачастую экстраполироваться на всю историю западной культуры [1, с. 68].

Как бы парадоксально это ни казалось на первый взгляд, можно увидеть позитивный вклад традиции мистицизма (герметизм, алхимия, ренессансная натуралистическая магия) в научную революцию XVII в.: содействие становлению эмпирического метода, признание важности наблюдений и экспериментов, равно как ценности и достоинства практических искусств, и акцентация на утилитарной цели научного знания [3, с. 17].

Литература

1. Генри, Д. Включение оккультных традиций в натурфилософию раннего Нового времени: новый подход к проблеме упадка магии / Д. Генри / пер. с англ. А. Аполлонова // Государство. Религия. Церковь. – 2013. – №1 (31). – С.53-91.
2. Гудимова, С. А. Алхимические и эзотерические идеи в культуре Возрождения / С. А. Гудимова // Вестник культурологии. – 2018. – №3. – С.117-141.
3. Reason, Experiment, and Mysticism in the Scientific Revolution / Ed. Rhigini Bonelli M. L. and Shea W. R. – Science History Publications: London, 1975. – 321 p.